

РАЙКО ЖИНЗИФОВ И АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

О поэзии А. С. Пушкина Жинзифов мог узнать впервые сразу же после приезда в Россию из сборника „Смесна китка“ Петко Рачева Славейкова,¹ в который были включены и два перевода-подражания Пушкину созданные Славейковым — „Не пой, красавица, при мне“ и „Погасло дневное светило“.

Нельзя, однако, отбросить и иное предположение, что Жинзифов мог познакомиться с творчеством Пушкина посредством П. И. Бартенева. Он предоставил Жинзифову возможность посещать Чертковскую библиотеку и даже в ней работать.² Бартенев был долгое время директором Чертковской библиотеки.³ Он занимался творчеством Пушкина и является автором ряда статей о нем.⁴

С поэзией Пушкина мог поэт познакомиться также посредством „Русской хрестоматии“ А. Д. Галахова, которая содержала более шестидесяти его стихотворений. В ней было представлено много русских поэтов и писателей. Жинзифов, благодаря своему правильному чутью, подбирает стихотворения виднейших прогрессивных поэтов, вникает в глубину их художественного мастерства и берет нужное для отражения исторической действительности народов на Балканах.

Познакомившись с поэзией великого художника слова, Жинзифов берет из стихотворения Пушкина „Не дай мне бог сойти с ума“ (1833) заглавие

---

¹ Русакиев, С.: *П. Р. Славейков и руската литература*, София 1956, с. 51—88.

² Ерихонов, Л. С.: *К. Жинзифов и П. И. Бартенев*, Известия на Института за литература на БАН, кн. XVI, София 1965, с. 163—190. См. также Полеваковик', Х.: *За генезата на „Безсоница“ од Рајко Жинзифов*, „Прилози“ на МАНУ, 1, 1—2, Скопје 1976, с. 11—18; Тодоровски, Г.: *Поетот на македонските неволи*, в кн. Жинзифов, Р.: *Одбрани творби*, приредил Г. Тодоровски, Скопје 1981, с. 9—27.

³ П. И. Бартенев был директором Чертковской библиотеки в Москве с 1859 по 1873 год.

⁴ Бартенев, П. И.: *Пушкин в южной России*, Москва 1862, 2-ое издание 1914; того же: *Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851—1860 гг.*, Москва 1925.

для своего стихотворения „Брату си“ (1862) — собственно говоря, первую строку (как это делает и по отношению к другим русским поэтам), чтобы в дальнейшем развить свою собственную идею. Интересно и важно отметить, что он никогда не имел намерения передать дух и мысль русских стихотворений.⁵

Стихотворение Пушкина „Не дай мне бог сойти с ума“ не печаталось при жизни поэта и трудно установить, где с ним мог познакомиться Жинзифов. В нем Пушкин передает чувство страха человека перед сумасшествием. Основная идея состоит в следующем: поэт хочет изобразить человека, который боится сумасшествия, ибо сумасшедший — по словам поэта — хуже зверя.

Жинзифов в стихотворении „Брату си“ начинает словами Пушкина, почти дословно переведенными, но в дальнейшем развивает совсем другую, противоположную идею и идет в этом случае дальше Пушкина. Уже само название „брату си“ имеет обобщенный характер, потому что Жинзифов обращается ко всем своим „братьям“ — соотечественникам, к народу, за судьбу которого он боится. Оправдан страх Жинзифова, чтобы народ не поддался сильному экономическому и ассимиляторскому давлению:

Не дай, боже, да залудеит
Държейки в ръце торба, стап,
Не дай душевно да немеит,
Да бидит он другему раб.

Не быть духовным рабом — вот основная идея стихотворения Жинзифова. В этом проявляется и глубокий гуманизм поэта. Эта идея противоположна идее Пушкина — „легче посох и сума“.⁶

Последние строки стихотворения Жинзифова ясно говорят об осознании поэтом классовых различий и противоречий в обществе. Поэт не видел никакого ясного выхода из существующего рабства и невежества, но уже хорошо сумел показать разницу между богатыми и бедными. Это сочувствие беднейшему народу, разоблачение поэтом зажиточных слоев, их четкое определение и отношение поэта к ним являются одним из решающих шагов в росте его патриотического сознания.

В сборнике „Братский труд“ за 1862 год вместе со стихотворением „Брату си“ Жинзифов опубликовал еще другие стихотворения, так как этот последний выпуск „Братского труда“ содержал исключительно только его собственные стихотворения. Большинство стихотворений развивающегося и формирующегося поэта насыщены глубоким чувством. Его образы отличаются яркостью, спонтанностью.

Таково и стихотворение „Гарван“. Оно написано опять-таки под воздействием поэзии Пушкина, а именно его стихотворения „Шотландская

⁵ Пенев, Б.: *История на новата българска литература*, том 4, част 1, София 1936, с. 682.

⁶ „Не дай мне бог сойти с ума. / Нет, легче посох и сума; / Нет, легче труд и глад. / Не то, чтоб разумом моим / я дорожил; не то, чтоб с ним / Расстаться был не рад.“ См. Пушкин, А. С.: *Полное собрание сочинений в 10 томах*, издание второе, Москва 1957, том 3, с. 266.

песня⁷.⁷ В нем речь идет о кровавой любовной драме, нарисованной в романтическом духе. У Жинзифова совсем другая идея — трагедия народа, деятели которого умирают от невыносимой жизни. „Гарван“ начинается ярко и поразительно:

Гарван, гарван, защо гракаш,
Гарван, птицо чърна?
В сухи гранки тук, там скакаш,
Не ли искаш зърна?

Поэт продолжает в духе македонской народной поэзии о злых вестниках, которые сообщают народу о погубных событиях:

Зла съдбина, зла съдбина
Стигна, лудо младо,
Тебе с млада ти дружина,
Как чамаво стадо.
Тому, кой бе вам защита
Скина — велит птица —
Клета съдба, без да пита
На живот му жица.

Жинзифов опасается за своих соотечественников. Стихотворение написано как непосредственный отклик на смерть „третьего защитника народных интересов“ („Везде клета ви съдбина / Трети ваш защитник“) и относится к тому же времени, как и уже упомянутая „Молитва“.

Воздействие поэзии Пушкина на творчество автора „Гарвана“ не ограничивается только приведенными стихотворениями. В одном из лучших стихотворений Жинзифова — в поэме „Гуслар в собор“ ясно чувствуется пушкинский способ постановки злободневных вопросов, пушкинская концепция. В стихотворении Пушкина „Клеветникам России“, поводом к которому послужил призыв французских депутатов в 1831 г. к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия, отвергаются чужие вмешательства в споры между славянами:

И ненавидите вы нас ...
За что же ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?⁸

⁷ Пенев, Б.: Указ. соч., с. 682.

⁸ Пушкин, А. С.: Указ. соч., с. 233.

Вот что поет гусляр народу:

**Зашо, народе? Иль за това,
Че наши трудове сос пот
И стари ни народни права
Коварно грабна фанариот?
За това, че наша старина
И книжнина, небесен дар
Рака фанариотска с злина
Стори пепель с огин и жар.⁹**

Если Пушкин ратует против „клеветникам России“ и указывает на силу и величие русского народа, то Жинзифов стремится как будто бы транспонировать, перенести воздействие, ударность его поэзии на славянский юг, поднять свой народ.

Ср. Пушкин: Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,

**От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?**

Жинзифов: ... Че малку ли сме ми
Иль малък на земля ни край?
За граници си броиме ми
Река Вардар, река Дунай
Гора Балкан — втори Карпат,
Балкан стара ни планина,
Гора Беласица, Доспат,
Останали нам от старина.

Здесь мы имеем интересный случай творческого усвоения и перенесения действительности поэзии Пушкина в другую социально-политическую и культурную среду. Интересно и то, что она — поэзия, не перенесена в переводе или пересказе, а перенесены только идеи, мысли, темы, мотивы, строение. Именно сила ее идей действует на развитие поэтической личности как Жинзифова, так и болгарской и македонской литературы, помогает в социально-политической борьбе и в укреплении самосознания народа.

Хотя у Жинзифова встречаемся с метрической формой ямба очень редко, в данном случае он стремится соблюсти форму русского образца.

Автор „Гусляра в соборе“ мощным словом Пушкина пользуется и в своих публицистических статьях. В славянском обозрении газеты „День“,¹⁰ говоря о ложнолиберальной Европе (хотя в обзоре поэт выступает также

---

⁹ В „Избрани творения“ Жинзифова под редакцией П. Динкова другое чтение, чем в его „Съчинения“ под редакцией З. Здравевой.

¹⁰ Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 1, София 1964, с. 98 и след.

против революционеров, потому что еще не понимал и не мог понять сложившегося положения) и о клевете Запада насчет Польши, Жинзифов два раза приводит стихи „вещего нашего поэта“ (как он говорит о Пушкине) из приведенного выше стихотворения „Клеветникам России“. Отношение Жинзифова к полякам сформировалось под влиянием славянофильской идеологии. Наш поэт отрицает революционную борьбу польского народа, так как думает, что его поддерживают западные страны и что это не дело поляков, а дело Запада против России и славянства вообще. Именно поэтому он отвечает западным державам (не польскому народу) словами Пушкина.¹¹ Скорее к западным странам обращается Жинзифов и с другим стихом-вопросом, взятым у Пушкина: „Кто устоит в неравном споре?“¹²

Патриот Райко Жинзифов думал, что польская революция поглощает силы русского правительства и отвлекает его внимание от южных славян, и поэтому выступал не столько против поляков, сколько против реакционной европейской публицистики, распространяющей клевету на славянские народы, на их национально-освободительное движение.

Поэзия А. С. Пушкина помогает Жинзифову в пробуждении его порабожденного народа, в изображении его тяжелого положения, в укреплении его сознания славянского единства и славянской принадлежности.

Разумеется, интерес нашего поэта к творчеству гениального русского учителя не исчерпывается только приведенными стихотворениями, ясно показывающими близкий контакт Жинзифова с поэзией Пушкина. Ряд других стихотворений Жинзифова до известной степени или прямо или косвенно подсказывают, что поэт хорошо знал и любил поэтическое творчество А. С. Пушкина.

---

¹¹ „Что скажет ему (т. е. Наполеону — прим. мое) русский народ?“ — спрашивает Жинзифов. „Русский народ уже ответил ему и опять скажет всенародно, чтобы он выслал, если это необходимо,

Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди не чуждых им гробов.
См. Пушкин, А. С.: *Указ. соч.*, с. 223.

¹² Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Там же, с. 222.

